

Толерантность как идеал образования в философии Рабиндраната Тагора

Rabindranath Tagore: education between East and West

В статье рассматривается философия и практика образования, созданная индийским поэтом и общественным деятелем Р. Тагором. Две его идеи принесли ему славу уникального реформатора: первое – образование неотделимо от жизни и второе – синтез западного и индийского культурного наследия может стать основой нового индийского образования. Автор обращается к парадоксам философского творчества Р. Тагора – космополитизму и национальной идентичности, создающим сложности в изучении его наследия.

This article aimed to dispose philosophy and practice of education developed by R. Tagore who was Indian poet and social activist. His ideas brought him the honor of unique reformer. His first idea is education and life should be not divided, second idea is the synthesis of West and East culture have to be basis for new Indian education. The author focuses R. Tagore paradoxes in philosophy education that are cosmopolitanism and national identity. There are sophisticated difficulties to study his philosophical heritage.

Когда в 1940 году Оксфордский университет присуждал звание почетного доктора Нобелевскому лауреату, поэту, писателю, композитору, живописцу и философу Рабиндранату Тагору и на церемонии награждения перечислялись все его достижения в различных областях, включая и сферу образования, в самом этом перечне была заложена глубокая ирония. С одной стороны, Р. Тагор ненавидел полученное им в Калькутте школьное образование и не сумел завершить университет, почему и не получил академическую степень. С другой стороны, он посвятил значительную часть своей взрослой жизни основанию и поддержанию деятельности школы (1901) и университета (1921), в Шантеникестане – бедной сельской провинции Бенгалии. Оба эти комплекса стали наиболее прогрессивными образовательными учреждениями XX века в Индии. Парадоксы были типичны для этого сложного человека.

На протяжении пятидесяти лет Р. Тагор много писал об образовании. Возможно его наиболее известное эссе – "Школа Поэта", изданное в 1926 г. В нем Тагор пытался объяснить скептически настроенным индийским и иностранным критикам свой подход к образованию. Его очаровывающее, неуловимое открытие стоит привести полностью. "От вопросов, которые часто возникали во мне, я пришел к выводу, что публика требует извинения от поэта

за то, что он быстро основал школу. Нужно признать, что шелковая нить, к которой прикреплен кокон и бабочка, парящая в воздухе, представляют две различные стадии существования, противоречащие друг другу. Шелковая нить, кажется, должна иметь значительную ценность, определяемую где-нибудь в отделе учета Природы, согласно значимости работы, которую она выполняет. Но бабочка безответственна. Ценность, которой она может обладать, не имеет ни веса, ни пользы и бабочка легко несется на своих танцующих крыльях. Возможно это кому-то нравится – сердцу солнечного света, Богу цветов, который не имеет никакого отношения к счетным книгам, но зато обладает совершенным мастерством в великом искусстве расточительности.

Поэта можно сравнить с этой глупой бабочкой. Он также пробует переводить в стихи праздничные цвета творения. Тогда, почему он должен заключить себя в тюрьму обязанностей? Почему он должен чувствовать себя ответственным перед теми, кто оценил бы его творение количеством заработанной прибыли?

Я предполагаю, что ответ этого поэта был бы следующим: когда однажды зимним солнечным днем он соберет в теплой тени высоких прямых... деревьев... несколько мальчиков, он начнет писать поэму душой, а не словами"¹.

Семейство Тагоров было весьма состоятельным и влиятельным. Его предки одними из первых оценили выгоды торговли с Британией. Его дед Дварканат Тагор, землевладелец и деловой предприниматель, был одним из богатейших людей Калькутты, известный своей расточительностью и страстью к удовольствиям, религиозной терпимостью и филантропией. Он финансировал светское высшее образование для бенгальцев в Калькутте и в Англии. Он был среди первых индусов, приглашенных посетить Европу, где он развлекал королеву Викторию и таких писателей как Диккенс и Теккерей. За свою расточительность он получил известность как принц Дварканат. Он умер в Лондоне в 1846 г. в возрасте пятидесяти двух лет.

Его сын, Дебендранатх, резко отличался от своего отца. В детском и подростковом возрасте он вел жизнь, характерную для "испорченного" сына богатого человека. Но все перевернула длительная болезнь и смерть его бабушки. Дебендранатх отказался от мирской жизни и занялся вопросами просвещения, используя для этого религиозную восточную и западную литературу. Он активно включился в движение реформации индуизма, известного как Брахмо Самадж и оказавшего при непосредственной помощи Дебендранатха серьезное влияние на индийское образование. В конце концов он получил известность как махараша или "великий мудрец".

Рабиндранат, четырнадцатый сын Дебендраната, родился в 1861 г. и в своей жизни следовал дорогами, отличными от дедовских и отцовских. В некотором смысле, он воспринял одновременно кое-что из жизни обоих своих предков. Как пишет он в "Гитанджали", сборнике стихов, за который он получил Нобелев-

¹ Tagore R. Towards Universal Man. – London: Asian Publishing House, 1961. – P. 285-286.

скую премию в 1913 г., "Освобождение для меня не в отречении, я чувствую объятия свободы в... сладостных узах".

Воспитание, полученное Рабиндранатом в детстве, способствовало его стремлению к свободе. Под наблюдением слуг он посещал обычную школу в Калькутте. Расписание уроков было жестким и выглядело, скорее как наказание за провинности, чем учеба. Родителей мальчик видел редко. К семи годам он уже успел проучиться в четырех школах, ничем не отличавшихся по академической подготовке друг от друга, и сохранил воспоминания о них как "наименее приятных учреждениях". Свободы и развлечений он практически был лишен.

Комментируя свой ранний опыт образования и общую методику механического обучения, которую он наблюдал в сельских школах в 1890-х гг. Р. Тагор замечает: "Люди, преподающие в наших школах, сами находятся на низком уровне, недостаточно обучены для работы. Некоторые из них только что сдали экзамены и зачислены в университет, некоторые даже этого не сделали, и у всех недостаточное знание английского языка и литературы, английской жизни и мысли. Все же они – преподаватели и к ним мы обращаемся, чтобы заняться изучением английского. Они плохо знают как английский, так и бенгальский языки, и единственная работа, которую они могут выполнять – делать ошибки в преподавании"¹.

Жизнь мальчика делилась как бы на две части. В первой были школьные уроки, которые он ненавидел, во второй – "домашний университет" и страсть к чтению. Стимулом к чтению стала атмосфера творчества и интеллектуальных инноваций, поддерживаемая членами талантливого семейства, особенно старшим братом. В доме Тагоров часто собирались писатели, художники, артисты, религиозные и политические деятели. Рабиндранату очень рано довелось быть слушателем, а позднее и участником бесед и споров по актуальнейшим проблемам искусства, философии и политики.

В автобиографической статье "Религия художника" Тагор отмечал, что он родился в ту "великую эпоху", когда в русле индийской истории слились три могучих движения: религиозно-реформаторское, начатое Рам Мохан Раем, движение против "теологизма и безжизненности" в индийской художественной литературе, основанное Бонким Чондро Чоттопадхайя, и "национальное движение"², поднявшее "голос протеста против унижения, которое постоянно нам приходилось терпеть от людей, не принадлежавших к Востоку и имевших привычку, особенно в то время, делить человечество на хорошую и плохую половины, по признаку континентов, в которых они проживали"³.

Мировоззрение Тагора формировалось, прежде всего, под влиянием индийской действительности, в том числе указанных выше трех движений. Теоретическими источниками его мировоз-

¹ Там же. – Р. 43.

² Имеется в виду восстание индийского народа 1857-1859 гг. против англичан.

³ Tagore R. The Religion of an Artist // Contemporary Indian Philosophy. – L., 1952. – Р. 26.

зрения были "ортодоксально" интерпретируемые Упанишады и веданта, а также вишнуитское учение о бхакти.

Рабиндранату было шестнадцать лет, когда вышла в свет его первая, заслуживающая внимания поэма, изданная под псевдонимом. Она во многом была подражанием поэту восемнадцатого века Томасу Чаттертону. Но всерьез о сочинениях и песнях молодого автора заговорили в 1880-х гг., после годового пребывания Р. Тагора в Англии, где он посещал занятия в Лондонском университете. Там Рабиндранат изучал труды Ж. Ламарка, Ч. Дарвина, Т. Гексли и других естествоиспытателей, под влиянием которых он позже написал школьное пособие по естествознанию, поставив перед собой цель – сообщить индийской молодежи необходимые сведения о современных достижениях "европейской науки". Но осуществить ее было чрезвычайно трудно. Необходимо было создать учебные заведения и системы, подходящие для Индии. Эта задача была трудной по той причине, что многие индийцы существовали одновременно в двух мирах: традиционном, статичном, ориентированном на религию кастовом мире, центром которого является семья, и в новом, рационалистическом вестернизированном мире динамического индивидуализма и социального прогресса. В силу противоречий процесс перехода к новой системе образования был обречен на культурный конфликт.

Но именно поэтому Рабиндранат крепнет в убеждении, что Индии нужны образованные люди, сформировавшие свой ум и получившие знание как в лучших восточных, в частности, собственных, так и западных традициях. Космополитизм станет духом его школы в Шантиникетане. "Позвольте мне ясно заявить, что у меня нет никаких предубеждений к любой культуре только потому, что она считается иностранной. Напротив, я убежден, что шок, испытываемый от встречи с внешними силами, необходим для поддержания живучести нашего интеллекта", – пишет Р. Тагор. "Против чего я возражаю – так это против искусственного заявления, в соответствии с которым иностранное образование стремится занять все пространство нашего национального сознания и уничтожить его. Я возражаю также против того, что образование – это корзины, в которых комбинируются новые истины, создающие большие возможности для формирования новых мыслей. Это убеждает меня в том, что все элементы нашей собственной культуры должны быть усилены; не сопротивляться культуре Запада, но принимать и ассимилировать ее. Она должна стать для нас пищей, а не бременем. Мы должны прирастить мастерство с ее помощью, а не жить на поверхности как резчики текстов и поставщики книжных знаний"¹.

Книжное знание никогда не было главной целью школы Р. Тагора. Он анализирует основную болезнь образования в Индии, инициированную британской администрацией, насаждавшей свою систему, с типичным для Запада акцентом на информативности в ущерб радости творческого усвоения знаний. Памятуя свои собственные муки обучения, он пишет: "...с детства мы не

¹ Tagore R. Towards Universal Man. – P. 222-223.

находим радости в образовании. Мы заучиваем только то, что от нас требуют. Отсюда привыкаем работать кое-как..."¹ Однако этой системе есть альтернатива. Знания можно получать не только на уроке, но и в другое время, "они как воздух охватывают... все времяпровождение"².

В этой связи Р. Тагор обращается к древней индийской культурной традиции, как в области воспитания, так и образования. Ее наиболее отличительной чертой было и остается преобладание устного способа передачи материала. Учитель (гуру) заставлял своих немногочисленных учеников по много часов в день многократно повторять строки Вед, пока одна-две из них не запоминались. Существовала система запоминания и проверки, которая развивала память многих поколений учителей и учеников и сохраняла традиционные индийские знания для будущих поколений.

На протяжении столетий священные книги Веды и Упанишад, древнеиндийские эпические поэмы "Рамаяна" и "Махабхарата", другие памятники литературы, а также правила обучения различным искусствам и ремеслам передавалась устно. "Не только фольклор, но и произведения многих поэтов веками подерживались устной традицией"³.

Именно по такому методу и строил образование в своем университете Р. Тагор. Он лишь модернизировал идеальную систему индийского образования "гуру-шишья", на основе которой возникли целые университеты в Варанаси, Таксила, Кончи и др. Главное, считает Р. Тагор, чтобы с учеником всегда был наставник и тогда "образование и становление характера совершенно сливаются"⁴.

Эта система помогает учителю овладеть душой ученика, без чего невозможен успех образования. В те далекие времена, когда в Индии процветали науки, к мудрецу, обитель знания которого находилась в густом лесу, стекались ученики. Удаленность учителя от суеты повседневности диктовалась необходимостью соблюдения правильного режима и образа жизни и "защиты от несвоевременного появления нечистых желаний и плохого влияния"⁵.

Подобная система, считал Тагор, дает радость от познания, а не превращается в информационную пытку, требующую не впитывать знания, а заучивать их. Цель образования направляется на становление характера ученика и на совершенствование его нравственных качеств, на понимание долга, задач, стоящих перед индивидом. Такого рода образование "не только дает свет человеку, но и придает ему силу, не только воздействует на челове-

¹ Тагор Р. Что мешает образованию // Тагор Р. Соч. в 8 т. – Т. 8. – М.: Худож. л-ра., 1957. С. 245.

² Там же. С. 348.

³ Паевский Е.В. Развитие бенгальской литературы XII-XIX веков. – М.: МГУ, 1979. С. 18.

⁴ Тагор Р. Проблемы образования // Тагор Р. Соч. в 8 т. – Т. 8. – М.: Худож. л-ра., 1957. С. 348.

⁵ Там же.

ка внешне, но и неотрывно связывает жизнь человека с его призванием, не противопоставляет человека долгу, а помогает человеку слиться со своим долгом. Следовательно, детский возраст – это не возраст, благоприятный для восприятия каких-то теоретических положений – это возраст становления характера и души"¹.

В такой атмосфере постепенно и легко возникает "любовь к книгам. Нормально и легко формируется мировоззрение, складываются определенные понятия, совершенствуется мировоззрение"².

Другим преимуществом тагоровской системы образования была близость учеников к природе, не стесняющей их свободы и инициативы. "Деревья, лианы, свежий воздух, прозрачное озеро, прекрасный вид – все это не менее необходимо человеку, чем экзамены, парты, грифельная доска. Душа Индии возникла в тесном общении с ее замечательной природой"³. Китайский путешественник Сюань Цанг описывает буддийский университет Наланду, в период расцвета которого террасы были рассыпаны, как звезды, а золотисто-зеленые павильоны были увенчаны верхушками, подобными горным ликам. Потоки голубой воды текли по паркам; цветы лотоса сверкали среди сандаловых деревьев. Крыши жилищ монахов были выкрашены во все цвета радуги и покрыты резьбой, с животным орнаментом, столбы были красные и зеленые. Колонны и пороги были украшены изящной резьбой⁴.

Основной принцип системы образования в Шикинекетане можно сформулировать в наиболее обобщенном виде как поклонение свободным искусствам, отождествляемое с поклонением божественному началу, "поскольку красота – это ничто иное как божество. Красота как атрибут земных вещей вторична. Осознать все прекрасное, чудесное, священное, что составляет жизнь как часть божественного начала – значит быть прекрасным, правдивым и счастливым"⁵.

Поэтому занятия в университете проводились на открытом воздухе и начинались с пения. Обучение музыке, наряду с изучением литературы, искусств и ремесел, стали основой образования в Шантинкетане, а Тагор сам писал музыкальные пьесы для студенческих постановок. С преобразованием школы искусств в университет, в нее хлынули учащиеся из разных частей Индии, чтобы изучать богатейшую культуру индийского и других народов Азии.

Стремление к красоте совпадает со стремлением к истине. Рабиндранат Тагор в своем понимании прекрасного отождествляет его с добром или Благом, а Благо, в свою очередь, с Истиной. Таким образом, Благо неразрывно связано с Прекрасным. "Прекрасно сострадание, прекрасно милосердие, прекрасна любовь...

¹ Там же. С. 349-350.

² Тагор Р. Что мешает образованию // Тагор Р. Соч. в 8 т. – Т. 8. – М.: Худож. л-ра., 1957. С. 245.

³ Там же.

⁴ Rjsambi D.D. The Culture and Civilization of Modern India. – Lnd, 1965. – P. 177.

⁵ Bahadur S.J. An Aspect of Indian Awsthetics // Sangeet Natak Academi Journal, New Delhi, 1981. – P. 7.

Красота любви гармонизирует с красотой окружающего мира, составляя идеальную гармонию вселенной. Индийская мифология воплощает это единство в образе богини Лакшми – олицетворения Счастья, Красоты и Добра¹. Искусство соединяет человека на высшей ступени с религией. "Музыка – это инструмент воплощения божества, песня – средство богослужения"². В этом контексте предмет философии образования в школе Р. Тагора и можно рассматривать как поклонение красоте и божеству, если красота рассматривается, прежде всего, как манифестация божественного начала.

Этот идеал воплотился и в идеале учителя и ученика. "Жить прекрасной жизнью, гармоничной, чуждой насилию и полной نابожности, где искусство не удалено от повседневности, а становится частью смысла жизни. Жить добродетельной жизнью – само по себе искусство, а ценности реальной жизни отражаются в искусстве"³.

Образование, формируемое Р. Тагором, бережно сохраняло и продолжало древние индийские традиции связи религии с искусством, характерные для всех древних цивилизаций. Но если в Европе эта связь была утрачена уже давно, в Индии она продолжала существовать, хотя и подвергалась трансформациям на протяжении всей истории страны. Благодаря такой непрерывности традиции многие феномены искусства, которые в странах Запада представляют исторический интерес или являются предметом "реставрационных" усилий деятелей культуры, в том числе и Р. Тагора, в Индии остаются частью современной культуры.

Из концепции образования в Индии вытекает высокий уровень критики и восприятия. "Rasika", или воспринимающий ученик переживает реакцию, условия для которой созданы учителем. Пассивное восприятие практически не существует в индийском образовании, ученики "соучаствуют", в мыслях и делах учителя. В контексте такого образования ко всем предметам применяются одинаковые мерки – основное внимание уделяется скорее эмоциональной, чем интеллектуальной деятельности, скорее созерцанию, чем действию.

Деятельность Р. Тагора на ниве образования вызвала широкий интерес в среде индийской интеллигенции, в частности, Рукмини Деви, которая реализовала идеи возрождения национального культурного наследия через воспитание в области танца и хореографии. Рукмини Деви, великая индийская танцовщица и общественный деятель, основатель известной во всем мире школы искусств Калакшетра, чья молодость проходила в годы национального подъема, начала, как и Тагор, свое знакомство с искусством с занятий музыкой. Она происходила из южно-индийской браминской семьи, где музыка считалась частью религиозного ритуала, и выросла в атмосфере религии и музыки.

¹ Тагор Р. Восприятие прекрасного // Тагор Р. Соч. в 8 т. – Т. 8. М.: Худож. л-ра., 1957. С. 377.

² Music Culture of Peoples // Aspects of Indian Music. – N. Delhi, 1987. – P. 5.

³ Jhayapal A.A. Portrait of Kalakshetra // Kalakshetra Quarterly. – Vol. VII, 13. – Madras, 1986. – P. 62.

"Атмосфера религии индуизма, в которой я росла, имела, громадное влияние на такую пытлившую ученицу как я. Я была очень мечтательна и имела артистические наклонности, особенно к музыке", – вспоминает Р. Деви. Особое влияние она испытала со стороны Е. Блаватской, одной из основательниц теософского движения, которая помогала индийцам вернуть веру в величие их собственного культурного наследия.

Свои принципы Рукмини Деви воплотила в школе искусств Калакшетра. Так же как и Шантиникетан, Калакшетра расположена за городом, сохраняя древнюю традицию обучения в непосредственной близости к природе. Студенты живут в домиках с тростниковыми крышами и ведут аскетический образ жизни, соблюдают строгий режим дня, придерживаются вегетарианства. Кроме вокальной и инструментальной музыки и танца, в Калакшетре изучают санскрит и общеобразовательные предметы.

Нараяна Менон, известный индийский ученый и музыковед, сравнивая вклад Р. Тагора и Р. Деви в индийскую культуру, пишет: "Когда я прохожу по садам Калакшетры и наблюдаю, как детей обучают музыке в очаровательных домиках или под сенью деревьев, я думаю о Шантиникетане. Шантиникетан и Калакшетра имеют общую форму и содержание. Оба они прекрасно сознают синтетический характер нашей культуры. Я не могу представить себе никакую культуру, кроме нашей собственной, в которой существуют такие тесные взаимоотношения между музыкой, танцем и драмой". И Шантиникетан, и Калакшетра развивались под "руководством требовательных, но в то же время чувствительных, творческих умов, которые вели юные души по пути поиска истины, воплощенной в искусстве"¹

Оба учебные заведения существуют и по сей день, привлекая к себе большое количество студентов.

Цели образования и идея космополитизма Р. Тагора привлекли внимание первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Он сам учился в Британии и понимал важность инноваций Р. Тагора. Поэтому он и направил свою дочь Индиру учиться в Шантиникетан, а впоследствии сам принимал живейшее участие в его развитии. На взгляды Тагора обратил внимание и Махатма Ганди. В 1915 г. он направил в Шантиникетан группу мальчиков из собственной школы в Южной Африке. Позже Махатма Ганди помог найти деньги для Вишва Бхарати, которой всегда хронически не хватало средств. Но и Ганди, и Неру отличались от Р. Тагора тем, что, во-первых, оба отказывались акцентировать внимание в образовании на искусствах и науке, и, во-вторых, были убеждены в необходимости развивать в сельскохозяйственных районах Индии не академическое, а профессионально-техническое образование. "Образование, особенно так называемое сельское образование – не мой идеал. Образование должно быть более или менее одинакового качества для всего человечества, необходимого для его развития и совершенствования

¹ Menon N. The Guru-Shisjya Relationship // Aspects of Indian Music. – N. Delhi, 1987. – P. 105.

ния", заметил Р. Тагор в письме к его английскому другу, экономисту, специалисту по сельскому хозяйству Леонарду К. Элмхерсту¹.

Элмхерст был одним из многих талантливых специалистов не-индусов, главным образом ориенталистов, работавших с Р. Тагором в Шантиникетане в 1920-1930-х гг. Вдохновленный идеями Р. Тагора, он основал свое собственное образовательное учреждение – школу и колледж в сельской местности на юго-западе Англии (Дарлингтон). В Дарлингтоне царил дух Шантиникетана. Преподаватели пытались обучать школьников и студентов в свободной атмосфере, выявлять их природные склонности и акцентировать их внимание на искусствах (особенно на музыке). Система образования Дарлингтона находилась в прямом контрасте со схоластическими и игровыми приоритетами британских городских и общественных школ того времени. В Дарлингтоне также стремились внушать уважение к другим культурам, далеким от имперского этоса официальной Британской системы и подражательного этоса, насаждаемого в Индии. По словам Элмхерста, для Р. Тагора "не было ни одной области человеческого бытия, которая бы не привлекала его внимание и не вызывала бы игру разума и воображения. В то время как я, молодой человек, был воспитан в мире, в котором религиозное и светское образование были разделены, он настаивал на том, что в поэзии, музыке, искусстве и жизни, они составляют одно целое, что для них нет никакой разделительной линии"².

По-видимому, и Шантиникетан и Дарлингтон взаимообогащали друг друга опытом. Экономист, философ и Нобелевский лауреат Амартайя Сен, учившийся в Шантиникетане в 1940-х гг., обращает внимание на то, что этот университет оказал большое влияние на формирование его сознания в раннем возрасте, что заслуживающая внимания жизнь требует разнообразия, а узость взглядов ослабляет ум. А. Сен особенно отмечает значимость основанной Р. Тагором вечерней школы, куда он приходил вместе с другими студентами учить местных сельских жителей. Эта работа положила начало его пожизненной заботе о программах уничтожения безграмотности³.

Другой выпускник Шантиникетана – режиссер Сатиаджит Рэй, обучавшийся живописи в 1940-х гг. в Вишва Бхарати, признавал много позже, что в Шантиникетане было куда больше от искусства и культуры Запада, чем в Калькутте, где он начинал учиться. Шантиникетан "отрытое окно для меня. Более чем что-либо еще это... принесло мне понимание нашей традиции, которую я знал, могла бы служить основой для любой ветви искусства, которую я хотел бы познать"⁴.

¹ Tagore R. Letter to Patrik Geddes, May 9, 1922 // Dutta K. and Robinson A. Rabindranath Tagore: Selected Letters of Rabindranath Tagore. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 491.

² Tagore R. The Religion of Men. – London: Unwin Paperbacks, 1999. – P. 4.

³ Amartya Sen // Predictions: 30 Great Minds on the Future. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 214

⁴ Robinson A. Satyajit Ray: The Inner Eye. – London: Andre Deutch, 1989. – P. 55.

Многим пионерам-первопроходцам уготованы особые почести – их деятельность получает признание гораздо позже того времени, в котором они живут. Но трудность с Р. Тагором как всегда в том, что он так и не сформулировал свои концептуальные идеи и поэтому их сложно применять на практике. Несмотря на многочисленные сердечные и чрезвычайно рациональные эссе по поводу образования и учебники, написанные для детей, он не создал конкретной теории образования. Тагор сам считает, что он "просто начинал с идеи о том, что образование никогда не следует отделять от жизни"¹. Само образование "есть жизнь, а не механический процесс, есть истина одновременно свободно допускаемая и постоянно игнорируемая"².

Преимущества и недостатки его методов образования становятся яснее при исследовании отношений Тагора с итальянской деятельницей в области образования Марией Монтессори. Перед посещением Индии, Монтессори написала Р. Тагору: "я чувствую, что ваши люди достигли более высокой степени эмоциональности и нравственных чувств, чем европейцы, и я уверена, что мои идеи, основанные только на любви к детям, нашли бы хороший прием в сердцах индийцев". Мысли, выраженные в письме, были созвучны общей атмосфере Шантиникетана при жизни Р. Тагора. Поэтому она ответила: "Метод Монтессори широко читается и изучается не только в ряде больших городов Индии, но также и вне их; метод, однако, не столь экстенсивно внедряется в практику как хотелось бы, в значительной степени вследствие препятствий, чинимых официальным характером системы образования, преобладающей в стране". Когда Монтессори, наконец, посетила в 1939 г. Шантиникетан, она немедленно прониклась симпатией к Р. Тагору и его школе, а он к ней. Но Монтессори осознала одну важную вещь – успех школы Р. Тагора зависит от уникальной ауры ее основателя. Как сказала она сыну Тагора, когда ей сообщили о смерти его отца в августе 1941 г., "есть два вида слез. Одни – обычные, вызванные общими сторонами жизни, и эти слезы есть у каждого человека. Но есть другие слезы, данные Богом. Такие слезы выражают что-то очень сердечное, очень душевное. Эти слезы приходят с чем-то, что поднимает на поверхность "человеческое" и эти слезы позволены. Такие слезы пролились у меня в этот момент"³.

¹ Tagore R. Letter to Patrik Geddes, May 9, 1922 // Dutta K. and Robinson A. Rabindranath Tagore: Selected Letters of Rabindranath Tagore. – P. 291.

² Tagore R. Lecture in Calcutta in 1936 // Dutta K. and Robinson A. The Myriad-Minded Man. – London: Bloomsberry, 1995. – P. 323

³ Montessori M. Letter 207 // Dutta K. and Robinson A. Rabindranath Tagore: Selected Letters of Rabindranath Tagore. – P. 326-327.